
УДК 111
ББК 87.21
П 22

Н.В. Пашкова,

старший преподаватель кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, тел.8-918-238-56-36.

Свобода как необходимая форма существования (философия М.К.Мамардашвили)

(Рецензирована)

Мудрость нельзя получить в готовом виде, ее открываешь сам, пройдя такой путь, который никто не может пройти за тебя, от которого никто не может тебя избавить, ибо мудрость — это свой взгляд на вещи.

М.Пруст

Аннотация. В статье осмысливается идея М.К. Мамардашвили о том, что свобода — это всегда невероятно трудное усилие, которое должен совершать в своей жизни каждый человек. Свобода — довольно трудная задача, она всегда связана с выбором, с усилием, с принятием решения. Цель работы — анализ проблемы свободы в философии М.Мамардашвили, методом исследования данного вопроса является герменевтическая рефлексия.

Ключевые слова: свобода, цивилизация, культура, понимание, Человек, личность, выбор, бытие.

N.V. Pashkova,

Senior Lecturer of Philosophy Department, the Kuban State University of Technology, ph. 8-918-238-56-36.

Freedom as the necessary form of existence (M.K. Mamardashvili's philosophy)

Wisdom can't be received in a ready form. You open it yourself, having passed the way which nobody can take place for you and of which nobody can relieve you since wisdom is your personal sight at things.

M. Proust

Abstract. The paper discusses M.K. Mamardashvili's idea that freedom is always an improbably difficult effort which each person should make in the life. Freedom is complex, it is always related to a choice, to an effort and to decision-making. The purpose of the work is to analyze a problem of freedom in M.Mamardashvili's philosophy. A method of research is a hermeneutic reflection.

Keywords: freedom, a civilization, culture, understanding, the Human, the person, a choice, life.

Существует закономерность в том, что количество философов и качество философской мысли зависят от уровня развития общественного строя. Если попытаться вспомнить имена философов, то, наверняка, большинство из

них будут относиться к периоду античности, когда только зарождалась демократия, когда процветало ораторское искусство и царил культ красоты. Кого бы мы ни вспомнили из авторов дошедших до нас трудов того времени,

их можно причислить к выдающимся мыслителям: Гераклит, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель или хотя бы Диоген с его фонарем. Они осмеливались говорить на равных с сильными мира сего. Мы можем не помнить, кто это сказал, но постоянно используем в речи такие выражения, как «Я знаю, что я ничего не знаю», «Платон мне друг, но истина дороже». Эпикурейцы, циники, стоики, скептики — названия представителей тех или иных философских школ в языке уже стали нарицательными. Философы размышляют о месте человека в жизни, счастье, физической и моральной смерти и о других вещах, которые беспокоят человеческий ум. «Кто мы? Откуда мы пришли и куда мы уйдем? Где мое место в мире? По каким законам протекает наша жизнь?» — вот основные вопросы, которыми занимались мыслители во все времена.

Обращаясь к работам Мамардашвили, понимаешь, что его философские взгляды столь современны, что их трудно воспринимать как теоретическую философию, они являются реальной философией, требующей активного соучастия при ее постижении. Стиль философствования Мамардашвили предполагает присутствие Другого в мыслительном пространстве. Этим Другим может быть Кант, Декарт, Пруст, он сам и его слушатель или читатель. Это не всегда означает возникновение отношений, но всегда — диалог, некое «впадение» в состояние со-мысли. Мамардашвили было хорошо известно, что привлечение Другого в диалог порой вызывает тревогу, но вместе с тем именно «не-Я» является катализатором личностного роста и сознания. И если поглощенность человека слиянием с Другим приводит к застою и прекращению развития, то напряжение между «Я» и «Другим» поддерживает процесс индивидуализации. Мамардашвили помогал жить другим, являясь самим собой, он был мыслителем, чья жизнь была настроена на какую-то невидимую волну моря жизни, его философствование рождало особый мир в его полноте и неповторимости, исче-

зающий вместе с этим человеком, который когда-то мужественно сказал себе: «Можешь только ты».

На эти темы размышляет каждый человек. Читая те или иные трактаты, мы пытаемся найти в них какие-то совпадения с собственной системой восприятия мира. К сожалению, сегодня утрачен класс размышлений. «Мышление требует почти сверхчеловеческого усилия, оно не дано человеку от природы; оно только может состояться — как своего рода пробуждение или правопоминание — в силовом поле между человеком и символом» [1]. Во второй половине XX века произошло то, что можно назвать смертью слова. Простота тоталитарного мышления, на самом деле, настолько притягательна, что «этот повсюду разлитый яд действует куда эффективнее грубой цензуры и прямого преследования. Он разъедает человека изнутри, проникая в подкорку мозга» [1]. Эта простота дает возможность почувствовать себя умным, интеллигентным, всезнающим и понимающим, но, самое главное, от человека не требуется никаких усилий. А человек, как мы знаем, по своей природе ленив, и он с радостью хватается за возможность стать чем-то более значительным, чем он есть на самом деле.

Масштаб человеческой жизни зависит от масштабности вопросов, которые он перед собой ставит. Постановка вопросов крупного масштаба, адресованных самому себе и окружающему миру, ведет к появлению других вопросов. Чем их больше, тем более интересной и духовно богатой становится жизнь и тем более достижимой становится ее цель.

Сегодня потребность в обмене информацией заменяет естественную потребность в размышлении, мы просто передаем и принимаем сведения. Существуют некие языковые конструкции, которые заполняют наше речевое пространство до самых краев и при этом вытесняют мысль, она тонет в водовороте пустых вербальных знаков, которые являются лишь пародией на слово. Чрезвычайно сложно в таком мире появиться мысли, а, следовательно,

---

и слову. Природа не создает людей, по-настоящему мы рождаемся только во втором рождении. Это прозвучало у Данте, когда он говорит, что новорожденный не имеет души. Только слово, по мнению М.К.Мамардашвили, дает нам душу. Именно для работ Мамардашвили характерна попытка вернуть мысли слово.

Мераб Константинович Мамардашвили, выдающийся мыслитель второй половины XX столетия, «шестидесятник», который знал, почему важно заниматься философией в мире, где все и вся стремится к минимализации мыслей и чувств. Имя Мамардашвили — это символ интеллектуальной свободы, живого философствования, не связанного идеологическими догмами. Его часто упрекали в излишней усложненности изложения материала, но за этим была реальная сложность мысли, сложность восприятия познаваемого. Он обладал уникальным даром инициировать в мышление, показывать другим на своем примере, как осуществляется состояние мысли. Для него мыслить значило жить. «Мысль — одушевленное, живое слово, рождающееся случайно — во время встречи с другим, как вопрос или ответ — «по поводу» и «кстати» [2].

Н. В. Мотрошилова точно отметила, что Мамардашвили был свободным человеком, и его философия была философией свободы; «но жить ему пришлось в такой стране и в такое время, где и когда свобода была утеснена и оттеснена, подавлена и унижена». Не будучи политиком, он отстаивал право свободомыслия в обстоятельном философском размышлении. Свободная мысль является необходимой формой существования, потому что именно она в конечном смысле предопределяет целостность человека, его этическое бытие. «Страстный поклонник» Декарта, Мамардашвили посвятил специальный курс лекций философии Канта, понимание нравственного закона в душе человека для него было не менее важно, чем свободное познание и самопознание личности и космоса. Его собственная инаковость давала возможность узнать

цену индивидуальности и величие того общественного договора, которое позволяет жить в обществе людям, которые не похожи друг на друга.

В последние годы жизни Мамардашвили тема цивилизации буквально ворвалась в его философствование. «Цивилизация — весьма нежный цветок, весьма хрупкое строение, и в XX веке совершенно очевидно, что этому цветку, этому строению, по которому везде прошли трещины, угрожает гибель. А разрушение основ цивилизации что-то производит и с человеческим элементом, с человеческой материей жизни, выражаясь в антропологической катастрофе, которая, может быть, является прототипом любых иных, возможных глобальных катастроф» [3]. Написано в восьмидесятых, а как будто бы про нас с нашими проблемами. Человек не воспринимается обществом... как живое существо! Для общества не существует человека с его всегда уникальной мотивационной сферой — с надеждами, страхами, планами, мыслями, чувствами, верой или недоверием, жадностью или, наоборот, пассивностью. Власть воспринимает человека как покупателя, избирателя, получателя пенсий, кредитов, стипендий. Возникает ощущение, что будто он вообще не мыслит, не чувствует, не страдает, не вдохновляется, не творит! А ведь человек должен существовать в режиме сознания, воспринимать окружающую его действительность осознанно.

Цивилизация немислима без культуры, у Мамардашвили это слова-синонимы. Невозможно завоевать внешний космос без внутреннего! Что же мы видим сейчас? Культура практически не упоминается у нас ни в каком объяснительном контексте жизни, она не рассматривается ни как производство и распространение смыслов, ни как ответственная мотивационная сфера, ни как передача памяти или запретов; ни как регулятор норм человеческого общежития. Как система поддерживающих кодов, она теперь совсем отсутствует в поле актуальности. Хотя одним из пяти универсальных стандартов XXI века как раз и является вы-

---

сочайший уровень культуры, образования, средств массовой коммуникации.

Очевидно, что инновационного прорыва требует понимание человека как индивида, развитой личности, со своим собственным миром, внутренним космосом, а такую личность необходимо целенаправленно воспитывать, обучать считывать истинный смысл и контекст происходящих событий. Становление сложного, неординарно думающего, свободного индивида бесконечно важно, потому что человек, который испуган, зашорен, боится государства, правоохранительных органов и конкурентов, не может эффективно реализовываться в пространстве и времени современной цивилизации.

Необходимо помнить, что все то, что мы называем «культурой», все нравственные нормы не могут существовать сами по себе, т.е. они могут «длиться» только при условии, что огромное количество людей, совершая определенные усилия, страдая, а порой, рискуя собственной жизнью, воспроизводили условия для их «дления».

Нынешнее общество, застрявшее в потреблении, жестокое и нетерпимое к инакомыслию, живет по понятиям, а не по правилам и законам. В нашей стране одного канала «Культура» мало для того, чтобы быть проводником ума, интеллигентности, творчества и благородства! И реальность не предполагает того, что появится подлинное понимание свободы, этого живительного источника осознания себя как уникальной личности. Свобода не может быть явлена через экран телевизора, она всегда появляется через внутреннее понимание себя. Как только человек перестает копаться в чем-то низком, низменном и замирать перед экраном как перед замочной скважиной и поднимает голову вверх, как только задается вопросом «зачем», свобода перестает быть осознанной необходимостью, а становится вызовом, призывом. Именно тогда приходит понимание, что необходимо жить изо всех сил, жить напряженно, интенсивно; не конструировать теорию о свободе, но пережить свободу. «Пережить свободу изнутри в конкретном

опыте и сделать этот опыт прозрачным и гармоничным»[1].

Свобода говорить, свобода любить в обществе всегда наказуемы, но свобода — это не плавание по течению; на самом деле, свобода — довольно трудная задача, она всегда связана с усилием, с выбором, с принятием решения и к свободе чисто телесных потребностей не имеет никакого отношения. Человек как биологическое существо на девяносто пять процентов — животное, и только пять процентов делают его человеком. Мы становимся людьми, когда побеждаем в себе биологическую, природную, стихийную свободу, когда окультуренная часть нашего существа, которая требует усилий, берет верх над животным началом. Так что свобода — это не парение во сне, это невероятные усилия, ведь для того чтобы вырваться из обыденного круговорота жизни, который сам по себе абсурден, случаен, нелепо повторяется, нам нужно что-то с собой сделать, проделать какой-то путь.

Человек создается непрерывно, снова и снова создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. То есть человек есть такое существо, возникновение которого непрерывно возобновляется, с каждым индивидуумом и в каждом индивидууме. В этом заключается основная трудность — надо постоянно совершать усилие, надо постоянно трудиться, а «человек ведь существо фантастической косности и упрямой хитрости. Он готов на все, лишь бы не привести себя в движение и не поставить себя под вопрос» [3]. Человек не хочет посмотреть самому себе в глаза, потому что это очень сложное занятие — постараться увидеть свое истинное лицо, взглядываясь в самого себя, постараться найти свое место. Мы всякий раз заново должны начинать искать свое место в мире. Многие делают это неохотно, иногда этому мешает лень, иногда страх, но тогда человек рискует не увидеть вселенную, ведь она вся находится в каждом из нас.

Свобода — это еще и вопрос ответственности. Существует выражение

«взять вину на себя», чтобы скрыть следы преступления, этим как раз и занималось советское государство, освобождая своих граждан от чувства внутренней ответственности. Мамардашвили придерживался иной жизненной максимы. Он пытался решить эту проблему и искал свой собственный ответ в философии. «Великая душа вмещает соседство — не убудет меня — с глупым, невежественным, преступным. Да и не там предмет ее борьбы. Предмет борьбы во мне самом. И более того, великодушные предполагают, что мир таков, что в любой данный момент в нем может что-то случиться только с моим участием. Я участвую как бы в непрерывном творении мира как воплощенная воля, почти что в христианском смысле этого слова» [4]. Для Мамардашвили очевидна личная ответственность, личное участие в создании, «творении» мира. Единственная ценность, вокруг которой человек еще способен собрать себя, — это он сам. Только благодаря глубокому знанию себя человек может сделать выбор и изменить ход индивидуальной и общественной истории. Принять на себя ответственность, а не надеяться на чудо.

Задача философа для Мамардашвили состоит не в том, чтобы изменить мир, а в работе человека над собой, в том, чтобы слушать свой внутренний голос, ориентироваться на него, идти, повинаясь этому внутреннему голосу без каких-либо внешних авторитетов и внешних указаний.

Вырастает поколение без табу на прямое насилие. Запреты в нравственной сфере формируются обществом посредством законодательства и так называемого общественного договора, но очень часто законы бездействуют по многим причинам. Беззаконие и безнаказанность — одна из отличительных черт нашего времени. Но в отличие от закона «общественный договор» не прописывается ни в каких бумагах, он должен быть в головах людей. Его формирование восходит к религиозному представлению о нравственных ценностях.

Чехов писал, что между двумя понятиями «есть Бог» и «нет Бога» ле-

жит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Мераб Мамардашвили был тем мудрецом, который смог пройти это поле между чеховскими крайностями. Кому это поле не интересно — тому не интересно думать. Тоталитарной системе удалось заморозить всякую ментальную активность. Зачем думать? За вас уже подумали обо всем необходимом: о мире, который окружает, об обществе, в котором приходится существовать, о всех событиях, которые происходят или могут произойти. Нам внушали: надо верить, верить, верить, отучали мыслить еще до того, как у нас появилась охота к этому занятию. А вера без мысли — фанатизм, а мысль без веры — недомыслие, любая крайность недостаточна. Мне видится в этом что-то очень важное — именно отсутствие желания размышлять, страх перед сомнением во многом определяют образ мысли нашего человека. Отсюда его нежелание, вернее, неспособность думать, нетерпимость к инакомыслию, неготовность к диалогу.

Материальный успех обогнал потребность в духовном развитии, как мы думаем, так и живем. Россия, как страна повышенного исторического риска, имеет все шансы перейти от архаичного варварства сразу к варварству ультрасовременному, туда, куда и движется западная цивилизация.

Многие живут в постоянном страхе потери своего социального статуса. Уровень агрессии повышается из-за общего состояния нервозности общества в целом. Эта нервозность порождена многими причинами, в том числе межнациональными, социальными и политическими. Страшно оказаться на площади, когда там кричат «Россия для русских». Мамардашвили тоже когда-то оказался один на один с толпой, которая размахивала кулаками и вопила: «Враг Гамсахурдиа — враг Грузии». И не вина этих людей в том, что они не знают, как по-другому ответить на зло мира. Во многом это вина государства, общества, СМИ, при попустительстве которых происходит дегуманизация нации, когда идеологический вакуум

пытаются заполнить суррогатом, не понимая, чем все это обернется.

Все это уже было, мы это проходили и в 1917 году, когда рухнул гнилой режим, и в 1991, когда с карты мира исчезла огромная страна, и до сих пор продолжающаяся «гражданская война». «Мир еще полон неоплаканных жертв, залит неискупленной кровью. Судьбы многих погибших неизвестно за что взыскуют о смысле случившегося. Одно дело погибнуть, завершая и впервые своей гибелью устанавливая смысл (например, в освободительной борьбе), и совсем другое — сгинуть в слепом одичании, так что после гибели нужно еще доискиваться ее смысла. Но кровь все равно проступает то там, то здесь, как на надгробьях праведников в легендах, в совершенно неожиданных местах и вне какой-то понятной связи» [3].

Мировую цивилизацию постоянно сотрясают конфликты, причины их, казалось бы, разные — нефть, продовольствие, политика, вера, территория, национальность, а смысл всегда один и тот же — зависимость, внутренняя несвобода человека.

События начала 1990-х годов на постсоветском пространстве подтвердили опасения философа: построение демократического общества без внутреннего индивидуального осознания и артикуляции элементарных форм демократии на массовом уровне обернулось фарсом и пародией на честные выборы, создание свободного рынка в условиях отсутствия каких-либо коннотаций между понятиями и действительностью привело к резкому социальному расслоению. Еще одним следствием и проявлением обмена пустыми знаками является упадок морали, ситуация бездуховности и сервиллизма, бытующая в современной России, прежде всего, на личностном уровне, и препятствующая позитивному экономическому и политическому развитию.

Именно поэтому в нашей многонациональной и многоконфессиональной стране, в стране, где люди учатся не только по-разному думать, но и говорить, только высшие ценности культу-

ры могут открыть нам путь к пониманию друг друга. К тому единению, без которого нам не выжить, нельзя оставлять стараний по просвещению ума и сердца, какими бы бессмысленными они ни казались. «Быть зрителем космических событий или катастроф — не очищает, не возвеличивает и не освобождает человека. Потому что в конечном итоге все будет решаться не космическим масштабом развала, а размером того, что ты сделал и на что ты способен» [5]. Существует великая русская и мировая культура, в которой есть ответы на все вопросы. Мамардашвили считал, что «мир не есть, мир происходит», то есть каждый миг мы сами создаем, творим этот мир.

Препятствий на пути цивилизации великое множество, мировое сообщество переживает антицивилизационный хаос, то, о чем Мамардашвили очень ясно и точно сказал: «Страшные идолы страсти, почвы и крови закрывают мир, скрывая тайные пути порядка, и оторваться от этих идолов и встать на светлые пути мысли, порядка и гармонии очень трудно» [3].

Мамардашвили так же, как и Декарт, полагал, что не в природе человека знать все. «Все знать — не свойственно человеку и не нужно. Нет никакой необходимости, чтобы наш разум никогда не ошибался. Достаточно, чтобы наше сознание свидетельствовало о том, что нам хватает решимости и силы выполнить то, что мы почитаем за лучшее» [4]. Параметры этого «лучшего» закладывает среда, пронизанная культурой, придерживающаяся общественного договора, ценящая общество и принимающая цивилизацию.

Сам философ не давал четких ответов и не стремился выработать какие бы то ни было формулировки. Он всегда склонялся к тому, что человек должен мужественно мыслить до конца, действовать на свой страх и риск и ничего не откладывать на потом, так как смерть в его жизни выполняет роль ревизора, — неизвестно, когда она придет, но в любой момент надо быть готовым, показать ей все, что успел сделать, воплотить, и ничего не скрыть от нее.

Так же, как и Пруст, и Декарт, Мамардашвили стоял «один на один» с миром, «ибо видел свою задачу в том, чтобы собой и через себя связать нить минут, часов, дней, десятилетий и стран...»[4]. Философ постоянно акцентировал внимание на личностном усилии человека, на предельной требовательности по отношению к людям, которые совершают усилия такого рода, потому что в них заложены основы творения общества и человека как существа социального. Всегда стремящийся к реальной, подлинной жиз-

ни, Мамардашвили четко осознавал — нельзя всю жизнь собираться жить, потому что имеет смысл только то, что существует здесь и сейчас.

Все новое всегда создается с огромным трудом, а порой с трагическими потерями. Но трагедия, как известно, жанр оптимистический. Она заставляет человека вглядываться в небеса в поисках путеводных звезд. Но для этого надо иметь возможность и мужество свободно поднять голову и принять свободу как вызов, и Мамардашвили смог это сделать.

Примечания:

1. Вопросы философии. 1992. №4. С.70-75.
2. Вопросы философии. 1992. №5. С.116.
3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С.119, 112, 138, 210.
4. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993. С.10, 16, 13.
5. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М.: Ad Marginem, 1995. С.55.

References:

1. Philosophy questions. 1992. №4. P.70-75.
2. Philosophy questions. 1992. №5. P.116.
3. Mamardashvili M.K. How do I understand philosophy? M., 1990. P. 112, 119, 138, 210.
4. Mamardashvili M.K. Cartesian reflections. M., 1993. P. 10, 13, 16.
5. Mamardashvili M.K. Lectures on Proust. M.: Ad Marginem, 1995. P. 55.